

В ЧЕСТЬ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СЪЕЗДА СССР. А. Сухинов — Уголь сверх плана. В. Ломов — Успехи участка Погодина У колхозников-лесорубов (1 стр.).

ОПЫТ НОВАТОРОВ — В МАССЫ! Г. Дробышев — На Беловском отделении Томской дороги (1 стр.).

Гоголевские дни в Кузбассе (1 стр.).

Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров (2, 3 и 4 стр.).

И. Саплин, А. Миликян — Международный обзор (4 стр.).

События в Корее (4 стр.).

Положение в Тунисе (4 стр.).

КУЗБАСС

Орган Кемеровского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся.

Выше уровень идеологической работы

Советский народ успешно осуществляет величайшую программу коммунистического строительства. Вожди нашей партии Ленин и Сталин учат, что для победы коммунизма необходимо создание не только материальных, но и духовных предпосылок. Поэтому партия проявляет неустанную заботу о повышении идейно-политической подготовки наших кадров, о воспитании советского народа в духе коммунизма.

Выдающаяся роль в коммунистическом воспитании трудящихся играют исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, направленные на борьбу против бездельности и апатичности, против предложения перенести иностранщины, за большевистскую партийность, за боевой советско-патриотический дух в литературе и искусстве.

На новую, еще более высокую ступень поднимает идеологическую работу гениальное произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», вооружающее работников идеологического фронта новыми положениями творческого марксизма.

Состоявшийся на днях пленум обкома ВКП(б) отметил, что, выполняя решения партии и указания товарища Сталина по идеологическим вопросам, партийные организации области изучили работу по идейно-политической подготовке кадров и коммунистическому воспитанию трудящихся. Горькими и райкомы ВКП(б) усилили внимание к марксистско-ленинскому образованию коммунистов и интеллигенции, стали глубже выискивать в содержание пропагандистской работы, больше работать с пропагандистами. Основная масса коммунистов настойчиво овладевает марксистско-ленинской теорией. Возросло число занимающихся политическим самообразованием.

Партийные организации укрепили агитбюллетени, учащая работу с агитаторами, привлекла в массово-политической работе более широкие слои интеллигенции. Политическую работу среди трудящихся области ведут свыше 60 000 агитаторов, 4 500 лекторов, 1 600 докладчиков.

В Кузбассе действует широкая сеть культурно-просветительных учреждений: 734 клуба и дома культуры, 931 библиотека, 1120 красных уголков. В 1951 году в клубах области прочитано 54 тысячи лекций и докладов, 33 тысячи человек занимались в кружках художественной самодеятельности. Во многих библиотеках возросло количество читателей, увеличилась выдача книг.

Наряду с этим пленум обкома ВКП(б) подверг критике серьезные недостатки в идеологической работе партийных организаций.

Проверка состояния партийного просвещения показывает, что отдельные пропагандисты допускают догматический, начитанный подход к изучению революционной теории, не всегда дают глубокое разъяснение теоретических положений, содержащихся в произведениях классиков марксизма-ленинизма.

Дело в том, что некоторые партийные комитеты не анализируют глубоко и всесторонне содержание занятий кружков и семинаров, лекций и консультаций. Провольсковский и Киселевский горкомы партии ограничивают учебу пропагандистов чтением лекций на семинарах. Партийные организации не всегда предъявляют высокую требовательность к каждому коммунисту за повышение идейно-политического уровня, вследствие чего многие коммунисты пропуская занятия и остаются в учебе. Неудовлетворительно организована политическая учеба комсомольцев.

В ряде партийных организаций самостоятельное изучение теории комму-

нистами до сих пор является самым отсталым участком партийного просвещения.

Важнейшая задача партийных организаций — обеспечить дальнейшее повышение идейно-теоретического уровня занятых во всех звеньях партийного просвещения. Необходимо добиваться глубокого усвоения коммунистами теории марксизма-ленинизма, изучать ее в тесной связи с практикой строительства коммунизма, проводить всю пропагандистскую работу в духе непримиримости ко всяким проявлениям буржуазной идеологии. Для этого, прежде всего, необходимо усилить контроль партийных комитетов за содержанием пропагандистской работы, повысить требовательность к учебе коммунистов, улучшить работу с кадрами пропагандистов, больше оказывать помощи товарищам, самостоятельно изучающим марксизм-ленинизм.

Пленум обкома ВКП(б) отметил, что уровень политической агитации и ее размах все еще отстают от задач, поставленных ЦК ВКП(б) перед областной партийной организацией. Массово-политическая работа все еще ведется кампанейски, слабо увязывается с практическими задачами, не направлена в должной мере на укрепление трудовой дисциплины, на повышение производительности труда, на улучшение всех качественных показателей.

В сельских районах политическая работа нередко сосредоточивается на центральные усадьбы колхозов и не охватывает остальных населенных пунктов. Это — большое упущение. Партийные организации и в городе, и на селе в проведении массово-политической работы должны доходить до каждого трудящегося. В работе в массах следует шире привлекать горючие и сельскую интеллигенцию.

Огромное место в идеологической работе принадлежит лекционной пропаганде. Учитывая, что главным в лекционной пропаганде является высокий идейно-теоретический уровень лекций, партийным комитетам следует обеспечить строгий контроль за их качеством, не допускать случаев чтения лекций без предварительной проверки и обсуждения. Необходимо значительно увеличить размах естественно-научной пропаганды. Партийные комитеты должны усилить руководство отделениями Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, лекторскими группами культурпросветителей, повседневно направлять и координировать их деятельность, оказывать практическую помощь лекторам.

Следует признать также, что некоторые культурно-просветительные учреждения нашей области не удовлетворяют возросших духовных запросов трудящихся. Во многих клубах города Ленинска-Кузнецкого, Яшкинского, Мысковского и Юргинского районов слабо развита художественная самодеятельность.

В ряде случаев библиотеки проявляют пассивность в продвижении книги в массы. В последнее время совершенно не пополняется книжный фонд колхозных библиотек. К сожалению, это не вызывает тревоги ни в облпрофсовете, ни в отделе культурпросветработы облплкома.

Партийным, советским и профсоюзным организациям необходимо усилить внимание к работе культурно-просветительных учреждений, укрепить их политическую подготовку кадрами, улучшить материальную базу клубов и библиотек, принять меры к развертыванию массовой художественной самодеятельности.

В значительном улучшении нуждается работа театров. Существенная беспомощность со стороны областного отдела искусств на сцену нередко проносятся бездельные, низкопробные пьесы. В те-

атральных коллективах слабо развита критика и самокритика.

Главное внимание работников театров должно быть сосредоточено на создании современного советского репертуара. Областному отделу искусств следует усилить контроль за деятельностью концертно-эстрадного бюро, укрепить его творческими кадрами.

В работе по коммунистическому воспитанию трудящихся важное место принадлежит кино и радио. Партийные, советские и профсоюзные организации должны оказывать повседневное внимание вопросам кинофикации, радиофикации, местного радиовещания.

Серьезные недостатки имеют место в руководстве партийных и советских организаций делом народного образования. В ряде школ области учебно-воспитательная работа поставлена на низком уровне, имеет место большая неуспеваемость учащихся. Партийные и советские органы обязаны усилить контроль за работой школ и отделов народного образования, проявлять постоянную заботу о повышении идейно-политической и деловой квалификации учителей. Нужно улучшить руководство школьными партийными организациями, повысить их ответственность за политическое просвещение учителей и состояние учебно-воспитательной работы в школах.

В Кузбассе издается 79 газет разовым тиражом в 270 тысяч экземпляров. Это — огромная сила в деле идеологического воздействия на массы. Однако многие наши газеты слабо освещают вопросы идейно-политической работы партийных организаций.

На пленуме обкома ВКП(б) отмечалось, что этот недостаток относится и к областной газете «Кузбасс». Газета редко помещает теоретические статьи в помощь пропагандистам и консультантам, мало привлекает к написанию статей местных авторов, слабо освещает опыт пропагандистской работы, деятельность школ, клубов, библиотек.

Задача состоит в том, чтобы поднять идейно-политический уровень местных газет, усилить освещение в печати вопросов идейно-политической подготовки кадров и коммунистического воспитания масс. Необходимо также улучшить работу областного книжно-журнального издательства и местного литературного объединения, активизировать работу с молодыми писателями, создавая им возможность творческого роста.

Пленум обкома ВКП(б) поставил перед партийными организациями области задачу обеспечить дальнейшее повышение идеологической работы в области, неутанго вести воспитание трудящихся в духе советского патриотизма, дружбы народов СССР, любви и преданности большевистской партии, Советскому правительству и великому вождю народов товарищу Сталину.

Вся идеологическая работа должна быть направлена на обеспечение дальнейшего подъема политической и трудовой активности масс, на борьбу за досрочное выполнение государственных планов, улучшение качественных показателей, на превращение в жизнь великой сталинской программы строительства коммунистического общества.

Успех идеологической работы, как и всякого дела, решает люди, кадры. Поэтому марксистско-ленинская подготовка и политическая закалка всех работников идеологического фронта является важнейшим условием дальнейшего подъема идеологической работы.

Повышая уровень идейно-воспитательной работы, партийные организации Кузбасса обеспечат дальнейшую мобилизацию трудящихся на успешное решение задач коммунистического строительства.

Гоголевские дни в Кузбассе

Трудящиеся Кузбасса широко отметили 100-летие со дня смерти великого русского писателя Н. В. Гоголя. По всюду — в клубах, институтах, школах, библиотеках, избах-читальнях состоялись торжественные юбилейные заседания, литературные вечера, лекции и доклады.

В Кемеровском учительском институте на юбилейном заседании ученого совета преподаватель кафедры литературы Ф. С. Мальцев сделал доклад о жизни и творчестве великого русского писателя-реалиста. Сопредседатели: «Драматургия в творчестве Н. В. Гоголя», «Изучение произведений Н. В. Гоголя в 6—9-х классах средней шко-

лы» и другие сделали преподаватели института и школ города. В клубе ГРЭС кемеровские энергетики с большим интересом прослушали доклад на тему: «Н. В. Гоголь и наша современность». После доклада состоялся концерт художественной самодеятельности.

В зале средней школы № 1 гор. Кемерово собралось более 200 учащихся. Они прослушали лекцию о Н. В. Гоголе преподавателя русского языка и литературы П. С. Новиковской. Лекция сопровождалась выступлениями артистов областного драматического театра В. Я. Самойлова и М. С. Гробина, прочитавшими отрывки из повестей Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и «Мертвые души».

В Сталинском педагогическом и учительском институтах состоялось заседание ученого совета, на котором были прочитаны лекции и доклады о жизни и творчестве великого русского писателя. Студенты педагогического института показали сцену из комедии Н. В. Гоголя «Женитьба».

Мысковская районная библиотека к гоголевским дням открыла интересную выставку на тему: «Гоголь и великий русский народ», «Гоголь-патриот». 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя широко отмечено в Анжеро-Судженске, Прокопьевске, Ленинск-Кузнецком и других городах и районах области.

В честь сессии Верховного Совета СССР

Участок № 6 — лучший на шахте «Северная» Кемеровского рудника. В течение 6 лет горняки этого участка крепко держат первенство в социалистическом соревновании. Только за прошлый год они дали около 44 миллионов топлива сверх плана.

С начала этого года коллектив участка перешел на график цикличности. Начальник участка коммунист Александр Глебович Шукин и горный мастер Николай Дмитриевич Смирнов умело организовали работу по-новому. Участок успешно справляется с нормативом цикличности.

Среди забойных бригад самые высокие производственные показатели здесь имеет бригада Александра Николаевича Блинова. Бригада тов. Блинова, как правило, перевыполняет план угледобычи в полтора—два раза.

НА СНИМКЕ (слева направо): горный мастер Н. Д. СМИРНОВ, начальник участка А. Г. ШУКИН и бригадир-забойщик А. Н. БЛИНОВ. Фото П. Костюкова.

Уголь сверх плана

На участке № 4 шахты «Бабановская» увеличили шаг посадки лавы, глубину зарубки комбайном «Доббасс», применили дистанционное управление и сократили расходы на каждом цикле.

30 горняков этого участка по примеру донецкого шахтера Тихона Михайлова работают по личным планам повышения производительности труда. Машинист комбайна «Доббасс» Щербанов дает каждую смену по полторы — две нормы. На 30—40 процентов топлива больше нормы выдают на-гора навалобойщики Юдин, Галифанов, Кронов, Кудин и Травников.

В честь открытия сессии Верховного Совета СССР участок выдал на-гора больше 1500 тонн высококачественного угля.

А. Сухинов.

Отгружают металлургический лом

Трудящиеся Марининска в прошлом году и в январе этого года отправили на металлургические заводы страны около 600 тонн металлолома. Один только завод технического спирта отгрузил более 230 тонн металлургического лома.

Большое внимание сбору металлолома уделяет коллектив артели «Труд». Артель уже отгрузила 2 тонны цветного металла и 86 тонн железа.

С. Быкубов.

Успехи участка Погодина

В начале этого года коллектив участка № 4 шахты «Бутовская» (Кемерово), возглавляемый старейшим бригадником Максимом Семеновичем Погодиным, стал работать методами Александра Андрусенко и Тихона Михайлова. На основе личных планов стахановцев т. Широкова, Федорова, Печорина и многих других были составлены комплексные мероприятия по повышению производительности труда и экономии государственных средств.

Новый план предусматривал увеличение глубины шпуров на 5 сантиметров. Это давало бы возможность забойщикам брать с каждого цикла около 13—14 тонн угля дополнительно. Монтажники и ремонтники решили на полтора—два часа сократить время на перестановку привода, конвейера и деревян-

ных клевет. Уплотнили свой трудовой режим и посадчики.

Работая по такому плану, коллектив участка уже в январе добился больших успехов. Норматив цикличности был перевыполнен, снижена себестоимость угля. На-гора было выдано около трех миллионов топлива сверх плана.

Но особенно выдающихся показателей добился шахтеры участка тов. Погодина в феврале, став на стахановскую вахту в честь сессии Верховного Совета СССР. В лаге длиной 70 метров с мощностью пласта 2,7 метра они за месяц сделали 42 цикла вместо 25 по нормативу. Промышленным предприятиям отравлено 4 700 тонн угля сверх государственного плана. На каждом цикле, по предварительным подсчетам, сбережено 119 рублей.

В. ЛОМОВ.

У колхозников-лесорубов

ТЯЖИН. (Корр. «Кузбасса»). Успешно соревнуются в честь дня открытия сессии Верховного Совета СССР колхозники Тяжинского района, занятые на лесозаготовках. С начала сезона работает в Даниловском лесномхозе бригада из сельхозартели имени Хрущева. Она состоит из 16 человек. В ее распоряжение правление артели выде-

лили 6 лошадей. Бригаду возглавляет колхозник тов. Кравченко.

Начальник первого участка лесногохоза тов. Ульшин помог колхозникам организовать работу поточным методом. За короткое время тов. Кравченко ликвидировал мастерством электромонтажника Сейчас бригаду при конной трелевке леса ежедневно выполняет задание на 120—130 процентов.

Опыт новаторов — в массы!

На Беловском отделении Томской дороги

Сокращают простои электровозов

Ценную инициативу проявили машинисты Беловского электродепо т. Корытин, Полосинский, Пономарев и Сенчук. Откликнувшись на почин инских железнодорожников, они решили сократить простои электровозов и объем ремонта в периодическом осмотре за счет отличного ухода за локомотивами, своевременного ремонта мелкими силами своих бригад. Сокращение простоев достигается также за счет того, что бригада предварительно, за один—два дня до постановки электровоза в ремонт, информирует мастера периодического осмотра и записывает в книгу ремонта данные о том, каков зазор колесных пар, какие детали потребуются для замены.

При постановке в ремонт электровоза старшего машиниста Корытина было записано в книгу вместо обычных 30—40 пунктов только 14 пунктов, т. е. объем ремонта был значительно сокращен. Электровоз вышел из ремонта на 1 час 40 минут раньше срока. Электровоз старшего машиниста тов. Пономарева вышел из ремонта на 2 часа раньше срока, а старшего машиниста тов. Сенчук — на 2 часа 45 минут.

Инициатива машинистов была подхвачена всеми работниками электровозных бригад. Это дало возможность в январе провести периодический осмотр всего электровозного парка, причем

За экономию топлива

Коллектив паровозного депо Промышленная проделал большую работу по экономии топлива. В 1951 году сэкономлено 9979 тонн угля, в результате чего депо получило прибыль 1,5 миллиона рублей. Машинист тов. Кузурин сэкономил со своей бригадой за год 201 тонну угля, машинист тов. Бурков — 152 тонны, машинист тов. Кротов — 151 тонну.

Успех в борьбе за экономию топлива достигнут в результате систематического повышения технических и теплотехнических знаний паровозных бригад, обобщения и распространения приемов передовых машинистов и их помощников. Было организовано 4 стахановских школы машинистов и 8 школ помощников машинистов, в которых прошли обучение 143 человека.

Проделана также большая работа по модернизации паровозов: многие из них оборудованы раздвижными золотниками тов. Трофимова, приборами верхней продувки, дополнительными щитами сухопарника, приборами для поливки угля в зимнее время. Улучшена изоляция котлов.

Смелее внедрять передовые методы труда!

Проведена отделенческая техническая конференция. Цель ее — обменяться

опытом работы по внедрению починов Жандаровой и Агафоновой, Москалева и Журавлева.

Были заслушаны доклады главного инженера электродепо Белово тов. Попова, главного инженера депо Промышленная тов. Комарова и выступления 16 передовиков-новаторов предпринимательского отделения.

Начальник сборочного цеха беловских вагоноремонтных мастерских тов. Сотников поделился опытом организации поточного ремонта вагонов.

Тов. Торкунов — составитель станции Устьты рассказал о новых приемах маневровой работы. В проведенных им двух стахановских школах он обучил этим методам всех составителей станции.

Дежурный по складу топлива станции Белово тов. Евдокимов рассказал о том, как его смена творчески применила почин Барановской. Он рассчитал производственно-финансовый план на смену и довел его до каждого работника. Зная конкретные задания и свои возможности, все рабочие приняли повышенные социалистические обязательства по переработке угля и снижению себестоимости операций. В результате в смену резко выросла производительность труда, себестоимость переработки одной тонны угля снизилась на 22 процента.

Г. ДРОБЫШЕВ, начальник технического бюро Беловского отделения дороги.

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит Николай, председатель Всесоюзного Комитета генерал-лейтенант Гундоров А. С., председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С. А., Народный Комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В. П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е. И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р. Е.

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского института судебной медицины Прозоровского В. И., заведующего кафедрой судебной медицины 3-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова В. М., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР Семеновского П. С., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М. Д., гл. патолога фронта

Катинский лес

Издавна Катинский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катинском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катинский лес не существовало.

Такое положение в Катинском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Прометракассы, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска, немецкими оккупантами в Катинском лесу был

установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катинского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 мтр. от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче располагалось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го стрелкового батальона».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница Сашнева Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-ца 1941 г. она приехала в себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—1941 гг. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под коновое вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педагогический институт и была учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказывал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подручным запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Врест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую Сашнева записала в книгу. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Ягодковского на последней странице имеется запись:

«Локс Юзеф и Софья, Город Замостье, улица Огородная, дом № 25». В опубликованных немцами списках под № 3798 Локс Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный в «Козьих Горах» в Катинском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сооб-

щению получается, что Локс Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница Сашнева.

Свидетель Давыленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря» Катинского сельсовета, показал: «В 1941 г. в августе—сентябре м-це, когда пришли немцы, я встретил поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел... Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бегавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И. М., плотник, показал: «Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлеклась полиция для ночных обысков в деревнях». Быв. староста дер. Новые Батеки Захаров М. Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «проискали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Давыленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря», показал: «У нас производились специальные облавы по розыску бегавших

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537 стрелкового батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельница Алексеева А. М., Михайлова О. А. и Конаховская З. П. — жительницы дер. Борок Катинского с/с.

По распоряжению немецкого команданта поселка Катинь они были направлены старостой деревни Борок — Солдатенковым В. И. для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им чред переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без пропуска и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, обер-лейтенантом Арнесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» Алексеева А. М. показала: «На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим из них был обер-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изинке, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволья, имя его, кажется, Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются «какие-то темные дела». Алексеева А. М. показала: «...Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держаться язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела... В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьих Горах» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предвзвешенно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подвезали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Бани в эти дни всегда топились.

дер. Борок, Колачев А. С. — врач Смоленска, Оглоблин А. П. — священник, Сергеев Т. И. — дорожный мастер, Смирятин П. А. — инженер, Московецкая А. М. — жительница Смоленска, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Куцев И. В. — водопроводный техник, Городецкий В. П. — священник, Базекина А. Т. — бухгалтер, Ветрова Е. Н. — учительница, Саватеев И. В. — дежурный по ст. Гнездово и др.

из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кто ищет в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бегавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились». Свидетель Фатьков Т. Е., колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленников поляков производились несколько раз. Это было в августе—сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

В дни приезда машины, на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещениях солдатского казармы, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Неважно до прибытия машины на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машины, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихают и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться к тому, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перемены в движении машины, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одного из тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженаробанную землю. Площадь, занятая этой свеженаробанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее: «Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали».

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени, Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным коновоем немцев. То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы». Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала харак-

терные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспоминала случаи, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряженной обстановке, которая царила в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставались только несколько караульных, а вахмистр беспрекословно проверял посты по телефону...»

Михайлова О. А. показала: «В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обратила внимания на подвезавшие и нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в баню рядом с пошерями, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подвезали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче. Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О. А. и Конаховская З. П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бегавших от немцев и затем пойманных.

Михайлова об этом показала: «Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел обер-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Глиневский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшись вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе окликнули разговаривавших. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я запомнила, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З. П. Напутанные тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплат» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению Михайловой, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — Михайлову на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили. За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала: «Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но она сказала, что я и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская. Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца — Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал Алексеев Михаил. — «Только приходила домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышны стрельбы. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадают все наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: Киселев П. Г. — крестьянин хутора «Козьи Горы», Кривошеин М. Г. — плотник станции Красный Бор в Катинском лесу, Иванов С. В. — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катинского леса, Саватеев И. В. — дежурный по той же станции, Алексеев М. А. — председатель колхоза дер. Борок, Оглоблин А. П. — священник Купринской церкви в др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского В. В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен немцами адвокат Меньшигин В. Г. впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у команданта Смоленска фон-Швеца.

В начале сентября 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшигину — ходатайствовать перед командантом фон-Швецом об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жигилевского. Выполняя эту просьбу, Меньшигин обратился к фон-Швецу и затем передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-Швеца «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель Базилевский, — «что же может быть жестче существующего в лагере режима?» Меньшигин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил Меньшигин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

«Недели через две после описанного выше разговора с Меньшигиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?» Меньшигин помедлил, а потом все же ответил: «С нами уже покончено. Фон-Швец знает мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, Меньшигин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне лично поведение немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора». Базилевский также рассказывал Специальной Комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорившим по-русски:

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их непопулярность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобренем почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи Гиршфельд с бальвством рассказывал, что в Польше интеллигенция не осталась совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания Базилевского подтверждаются опрошенными Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики Ефимовым И. Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшигиным. Документальным подтверждением показаний Базилевского и Ефимова являются собственноручные записи Меньшигина, сделанные им в своем блокноте.

С О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Горьковского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроток, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендантуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занимался Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система ре-

прессий, которые должны в еврейском гетто применяться. На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится: «Все бежавшие поляки военнопленных задерживать и доставлять в комендантуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Упомянутый, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 г. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, используя для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и принесли их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на А. П. Оглоблин показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием угроз, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе близке всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года в Катынском лесу расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселев показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После продолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как

до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреляли польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал поучать меня и угрозами и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!».

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом деле кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселева заставляли выступать перед прибывшей «польской делегацией».

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселева и, нечаянно забывая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом Киселев показал:

«В действительности получилось не так. Весной 1943 года немцы оповестили о том, что в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объяснил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму...».

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избili и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправил в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров немецкими властями и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добровольно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избili.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому смо-

ва что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...».

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывая во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучил то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес и разрытыми могилами и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли ты лично этих поляков до расстрела их большевиками». И не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток.

Показания Киселева П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избивании подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Акией, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — Саватеев С. В., дежурный по станции Саватеев И. В. и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо Иванов С. В., 1892 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимаю на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю. Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил, мне, если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал угрожать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сто-

рожка на перевезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...».

Саватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшие партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и угрозы ареста офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убраться вон. Я пошел минут, переводчик схватил висящую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подкушенный мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убрался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...».

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестован бывший рабочий гаража УНКВД Смоленской области Игнатюк Е. Л., немцы упорно путем угроз и избиваний добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД на рабочем гараже, а шофером.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, заставили мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствующему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...».

Последний раз меня в полицию допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избili и отравили в гестапо...».

В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году со-

ветскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше Киселева П. Г., были названы в качестве «свидетелей» Гозев (он же Гозунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андреев Иван, 1917 года рождения, Жигулев Михаил, 1915 года рождения, Кривоверцев Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Первой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Гозев и Сильверстов) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (Андреев, Жигулев и Кривоверцев) ушли с немцами, а может быть были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший спецник на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батени, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получали у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, — покаялся Захаров, — ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилию его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали спецником на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...».

Офицер сказал мне, что если я похорошею не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на снамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протоко-

ла я был из гестапо отпущен...».

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю еще гораздо худшее, чем испытывал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя угрозы, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзева Н. С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалева В. Г. и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклевывали в Катынском лесу и окрестных деревнях следующие листовки, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

Обращение к населению
Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово—Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс
лейтенант полевой полиции
3 мая 1943 г.

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: Соколова О. Е., Пущина Е. А., Вычков И. И., Бондарев Г. Т., Устинов Е. П. и многие др.

Обработка катынских могил

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изгнанию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельствами показаний по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач Чиков А. Т., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...».

Товарищественные показания дали: медсестра Леньковская О. Г., медсестра Тимофеева А. И., свидетельницы Орлова П. М., Добросердова Е. Г. и свидетель Кочетков В. С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы Московской А. М.

Гр-ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 года заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Спе-

циальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, Ленинград. С июня 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес, ставил расклевывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивая эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был страшнейший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставалось. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных чистить бумагу класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманах трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...».

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...».

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров задокарировал что-то нездоровое и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то поляне у ямы. Он увидел, как группу

(Продолжение на 4 стр.)

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

(Продолжение. Начало на 2-й и 3-й стр.)

военнопленных отделили от общей массы, погнав к яме, а затем стали расстреливать. Военнопленные заволаговались, а шумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного расстрела, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жалко, и я прощая его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушел. На утро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шаг пятнадцать, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видно, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день — два побудет у меня с тем, чтобы отрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседи — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой.

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдавал, она была выпущена из гестапо.

Тот же Егоров рассказал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помню выкапывания трупов — занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Фанг доставил в катынские могилы в большом количестве трупов, расстрелянных немцами в других местах, подтверждая также показаниями инженера-механика Сухачева П. Ф.

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росгладхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показав:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немцем шофером, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жирные продукты. При этом я уговивал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было двое — я и немецкий шофер. Ночь была светлая, лунная, однако усталый туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от непомощности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и

вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользкий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косягор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразили сильный трепетный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косягор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытку поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подехали еще две грузовые машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отвезя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трепетный запах.

Показания Сухачева подтверждают показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссе на дороге Москва—Минск и Смоленск—Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трепетный запах. В кабинках машин и сзади поперек брезента сидело несколько человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Голованеву Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывший агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашин, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трепетный запах.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Своих их трупы в Катынский лес, они преследовали тройную цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«Экскурсии» на катынские могилы

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, овершанные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации, немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немцами захватчиками, или находившихся в вассальной зависимости от них. Специальная Комиссия опросила ряд

свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы. Свидетель Зубков К. П., врач патологоанатома, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шпы на ботинках и прочее имели не резкой вырванную ржавчину и в некоторых случаях местами сохранили блеск металла. Доступные осмотрам органы тела трупов — лица, уши, руки имели преимущественно грязный, зеленова-

тый цвет, в отдельных случаях грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая все вышесказанное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных, и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поля-

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними находилась самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался, или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неуменье «держать язык за зубами»: такая расправа была учинена над бывшим немцем полицейским Загайновым и над Егоровым А. М., работавшим на раскопках в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выразивших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщик аптеки № 1 Смоленска Зубарева М. С., помощник санитарного врача Сталнинского райздрава Смолеска Козлова В. Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М. показав: «Создалась обстановка, вызвавшая серьезную тревогу в немецкой командатуре, и на места полицейских аппаратов срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий командант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции Камешкин.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле

ков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твердо убедился, что совершенное чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью Куцев И. З., учительница катынской школы Ветрова Е. Н., телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова Н. Г., житель дер. Борок Алексеев М. А., житель дер. Новые Ватки Кривошеин Н. Г., дежурный по ст. Гнездово Саватеев И. В., гражданка Смоленска Пущина Е. А., врач 2-й Смоленской больницы Сидоров Т. А., врач той же больницы Кесарев П. М. и др.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу.

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 года распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали спешно затащить следы своих злодеяний. Дача, которую занимал штаб 537 строительного батальона, была сожжена до праха. Трех девушек — Алексееву, Михайлову и Ковалевскую немцы разсылали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного «свидетеля» — Киселева П. Г., но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово Иванова С. В. и б. дежурного по этой станции Саватеева И. В., а также б. оцепщика ст. Смоленск Захарова М. Д.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Баязлевского и Ефимова. Общим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчиком не удалось.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных полейков был произведен самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

(Опечатание в следующем номере).

События в Корее

Сообщение Главного командования Народной армии

ПХЕНЬЯН, 3 марта. (ТАСС). Главное командование Народной армии Кореиской Народной-Демократической Республики сообщило сегодня: Соединения корейской Народной армии в тесном взаимодействии с частями китайских народных добровольцев

продолжают вести оборонительные бои на прежних рубежах.

Зенитные части наших войск и стрелки — охотники за вражескими самолетами сбили 7 самолетов противника из числа самолетов, участвовавших в варварских налетах на тыловые районы.

Положение в Тунисе

ПАРИЖ, 3 марта. (ТАСС). Как сообщает газета «Юманите», в городе Тунисе состоялась новая большая манифестация трудящихся, в которой приняли участие несколько сот человек. Манифестанты направлялись к зданию французского генерального резидента, однако были встречены крупными отрядами полиции. Полицейские применили оружие. Среди манифестантов имеются раненые. Согласно сообщению агентства Франс Пресс, полиция произвела многочисленные аресты.

Газета «Либерасьон» сообщает, что французская полиция и войска прово-

дят так называемые операции «по прочесыванию» в районе Моктор. В Тунисе французский военный трибунал продолжает выносить приговоры тунисским патриотам, обвиняемым в «хранении оружия».

«Юманите» сообщает, что вчера в Париже состоялся собрание представителей алжирских, тунисских и марокканских трудящихся, работающих и проживающих во Франции. Они приняли резолюцию, в которой выражают солидарность с тунисским народом, ведущим героическую борьбу за свою национальную независимость.

Чанкайшистские банды перебрасываются в Северную Бирму

ЛОНДОН, 3 марта. (ТАСС). Агентство Рейтер передает из Сингапура, ссылаясь на хорошо информированного наблюдателя, вернувшегося недавно из Бангкока, что, несмотря на официальные опровержения Таиланда, через территорию Таиланда производятся транспортировка снаряжения и чанкайшистских войск в Северную Бирму. Сообщают, отмечает агентство, что войска и снаряжение переправляются через территорию Таиланда на больших транспортных самолетах, принадлежащих американским компаниям. Из этого же источника сообщили,

передает агентство Рейтер, что самолеты, каждый из которых перевозит по взводу солдат, дважды в неделю вылетают из Тайбэя (Формоза) и приземляются в провинции Ченгмай на севере Таиланда и после заправки горючим немедленно вылетают в Северную Бирму.

Агентство далее указывает, что эти войска и вооружение направляются для остатков войск гоминдановского генерала Ли Ми, находящихся в Монгхате (Бирма), расположенном на расстоянии 25 миль по воздуху от тайландской границы.

Международный обзор

Сговор аггессоров в Лиссабоне

Проходившая в столице Португалии — Лиссабоне с 20 по 25 февраля очередная сессия совета Северо-атлантического союза и принятие ею решения свидетельствуют о том, что американские империалисты усиливают свои военные приготовления, принимают все меры к дальнейшему развертыванию гонки вооружений.

Главным на сессии совета был вопрос о вооружении Западной Германии под прикрытием так называемого «европейского сообщества обороны». Как известно, римская сессия совета Атлантического блока, состоявшаяся в ноябре прошлого года, не смогла решить вопрос о создании «европейской армии». Поэтому после длительной «доработки», точнее — после продолжительного и довольно напряженного торга и нажима США на своих вассалов, этим занялось лиссабонское совещание.

Здесь Вашингтон вынудил своих партнеров принять решение, направленное на создание немецко-фашистской армии и включение ее, как основного звена, в состав вооруженных сил Северо-атлантического блока. Так называемый «свклад» Западной Германии в «общую оборону» исчислен в виде 12 дивизий, которые она должна поставить под команду американского генерала Эйзенхауэра к концу 1952 года и 10.200 миллионов западногерманских марок на военные расходы. Весьма характерно, что этот вопрос обсуждался в Лиссабоне так, словно Западная Германия уже является членом Атлантического агрессивного блока, причем поджигателей войны не смутило даже то обстоятельство, что на сессии отсутствовал представитель Вонна.

Известно, что накануне открытия совещания в Лиссабоне в Лондоне велись переговоры Ачесона, Идена и Шумана с Аденауром. Они решили созвать в будущем «расширенные заседания» с участием западногерманских представителей. В одобренном лиссабонской сессией докладе об отношениях между Атлантическим блоком и «европейским сообществом обороны», указано, что «между двумя организациями будут иметь место консультации по всем вопросам», и что «каждый раз, когда совет Северо-атлантического союза и Совет министров европейской оборонительной сообщества сочтут это желательным, будут происходить совместные заседания». В свете этого становится ясным, что «протесты» французского правительства против допуска Западной Германии в Атлантический блок явились не чем иным, как пропагандистским трюком, рассчитанным на обман народа Франции.

В Лиссабоне приняты решения о создании в 1952 году «атлантической армии» в составе 50 дивизий, создании военно-воздушных сил в количестве 3.500 самолетов первой линии, строительство 200 аэродромов. Сессия решила также «реорганизовать» органы Атлантического блока. Установление большей централизации в системе Северо-атлантического союза империалистов в виде создаваемого постоянного совета показывает, что США намерены усилить подготовку к войне и установить полный военный, экономический и политический контроль над своими сателлитами. Вместе с тем эта «реорганизация» нужна западным империалистам блока для того, чтобы перейти «из стадии планирования в стадию осуществления» своих агрессивных планов.

Однako народные массы, наученные опытом второй мировой войны, пристально следят за происками империалистов и протестуют против политики подготовки новой кровавой бойни. Они не дадут ввести себя в заблуждение обещаниями разглагоствованиями об «оборонительном» характере Атлантического блока. С этим не могут не считаться правители капиталистических стран Западной Европы. Не спроста ряд буржуазных деятелей и газет предпринял пропагандистские маневры с целью усилить бдительность народов и создать впечатление, будто в Лиссабоне ничего особенного не произошло, что принятые там решения в сущности неосуществимы.

Сообщения иностранной печати, комментирующие итоги сессии, свидетельствуют о том, что в результате все возрастающего нажима американских империалистов на своих сателлитов и требований генерального штаба США ускорить подготовку западноевропейских стран к войне, между участниками агрессивного Атлантического блока резко усилились противоречия. Так, парижский корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Сеймур, критикуя крикливые рекламные заявления американской пропаганды о создании «европейской армии», пишет, что она направлена к обману общественного мнения, так как обостряющиеся в блоке противоречия ставят под угрозу создание «европейской оборонительной организации» и что атлантические дипломаты «вместо

того, чтобы разрешить проблемы... запутались в них больше, чем когда-либо прежде...».

Многие влиятельные буржуазные газеты Западной Европы открыто заявляют о все усиливающемся движении народных масс за мир против планов американской военной промышленности превратить их в «пушечное мясо» для своих военных авантур. Иностранная печать признает, что проведение в жизнь решений лиссабонской сессии связано с большими трудностями. Французская газета «Фигаро», скептически оценивая планы создания Атлантическим блоком к концу текущего года 50 дивизий, пишет, что эта цифра является нереальной, а голландская газета «Телеграф» указывает, что названные Ачесоном цифры планируемых военных формирований Северо-атлантического союза «пока остаются мечтой».

Американо-английским поджигателям новой войны с каждым днем становится все труднее опутать ложью народные массы, у которых еще свежи в памяти ужасы второй мировой войны. Они внимательно следят за происками империалистов и полны решимости сорвать их преступные агрессивные планы.

Происки империалистов на Ближнем и Среднем Востоке

В конце 1951 года страны Ближнего и Среднего Востока отвергли план создания «средневосточного командования», который им пытались навязать правительства западных империалистических держав. Сейчас США и Англия хотят оживить этот агрессивный план, стремясь в несколько измененном виде навязать его арабским странам.

В последнее время американские и английские дипломаты развили активную деятельность в столицах почти всех арабских стран. Для осуществления своих захватнических планов империалисты прибегают не только к нажиму на правительства арабских стран. Они пользуются и услугами так называемых посредников, которые в действительности являются замаскированными агентами аггессоров. Но чем сильнее становится нажим империалистов на страны Ближнего и Среднего Востока, тем больший отпор встречают их планы со стороны угнетенных народов. Арабские народы, пишет сирийская газета «Аль-Кафиля», отбросят все планы, служащие интересам империалистов.

Провал американско-мексиканских переговоров

Как известно, 16 февраля были внезапно прерваны, длившиеся две недели, переговоры об оказании США военной «помощи» Мексике. В связи с этим в последнее время в иностранной печати появилось много сообщений, объясняющих причины очередного провала американской дипломатии.

Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье выражает тревогу по поводу того, что срыв военных переговоров вообще подрывает доверие к американской «помощи». Прогрессивная печать Мексики характеризует срыв переговоров, как одно из серьезных поражений дипломатии войны, проводимой США в Мексике и в странах Латинской Америки.

Что представляют из себя соглашения, которые США навязывают своим сателлитам на основе так называемого «закона о взаимном обеспечении безопасности»? Известно, что подписывающие эти соглашения страны должны предоставить свои войска, военные базы, военно-воздушные и военно-морские силы, а также все свои ресурсы в распоряжение американских империалистов. Это включает за собой полное подчинение их экономическим интересам американских монополий и ликвидацию национального суверенитета.

Неудивительно поэтому, что начатые под нажимом США военные переговоры вызвали в Мексике мощную волну народного протеста. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» вынужден был признать, что весь мексиканский народ выступает против захватнической политики США. Мексиканское правительство не могло не посчитать с этим и было вынуждено прервать переговоры.

Укрепляющаяся с каждым днем единство демократических сил Мексики, движение широких народных масс против политики войны — вот причины сорванного сговора правящих реакционных кругов Мексики с американскими аггессорами. Успешная борьба мексиканских патриотов сливается с движением десятков миллионов простых людей Латинской Америки за мир, свободу и независимость, против попыток империалистов США превратить эти страны в колонию Уолл-стрит.

И. САЛДИН,
А. МИЛИКИН.

Редактор Ф. Е. ДЕМИН.

В театрах и кино

ОБЛАДРАМАТЕАТР. Сегодня — Анна Каренина. Завтра — Семья (начало в 8 час. вечера). ТЕАТР МУЗКОМЕДИИ. 11 и 12 марта — Сорочинская ярмарка. 13-го — Цыганский барон, 16-го днем — Сорочинская ярмарка, вечером — Летучая мышь (начало в 8-30 вечера). Касса открыта с 12 ч. дня.

КИНОТЕАТР «МОСКВА». Сегодня — Большой зал. Новый художественный фильм — Сын степей (сеансы: 12, 2, 4, 6, 8, 10). Малый зал — Тарзан 1-й серия (сеансы: 11, 1, 3, 5, 7, 9, 10-30). Третий зал — Близицы (сеансы: 10, 12, 2, 4, 6, 8, 10).